

ЛОЛО

Надежда Александровна Тэффи (настоящая фамилия Лохвицкая) родилась в 1872 г. в Петербурге, умерла в 1952 г. в Париже. Прозаик, юморист, сатирик. Писала воспоминания. В годы гражданской войны и Тэффи, и Лоло эмигрировали через Одессу.

Умер Лоло, известный поэт-сатирик, автор многих маленьких пьес в стихах, переводчик "Гейши", издатель журнала "Рампа и жизнь", человек, в свое время очень популярный в литературных и газетных кругах Москвы.

Смерть его не явилась неожиданностью. Она была, если можно так выразиться, логична. С тех пор как он потерял свою жену, он уже не жил. Он доживал и ждал. Они столько лет и так дружно были вместе, что жить один он уже не мог. Казалось, как будто она здесь за дверью, остановилась и ждет его.

— Ну что же ты, Лоло? Иди же скорее. Вечно ты опаздываешь.

И он наскоро собрал свои визы и пропуска из жизни: болезнь, старость, одиночество и смертельную свою тоску, — и быстро догнал ушедшую.

И теперь, вспоминая о Лоло, никак нельзя отделить его от нее, от Веры Николаевны, его верной подруги, наполнявшей всю его жизнь.

Лоло по характеру был довольно мрачным — остроумие не есть веселье. Вера Николаевна была всегда бодрой и веселой. Покойный Дорошевич сказал как-то о ней Лоло: "Вам легко справляться со всякими житейскими невзгодами, когда около вас такой веселящий газ".

Кроме неугасаемой своей веселости она поддерживала его и неутомимой энергией. Чего только она не делала! Играла на сиене, писала скетчи, шила платья, делала шляпки, даже на картах гадала. Она любила Лоло. С большим юмором рассказывала она, как однажды пошли они вместе в концерт. Он пришел в зал раньше, и она не знала, где он, спросила в контроле, не проходил ли тут сейчас господин "такой черненький, с усиками". "Нет, — ответил контролер. — Старичок плешивенький, действительно, прошел, а черненького не было".

— Подумай только, Лоло, — говорила она. — Я тебя все еще видела черненьким с усиками, а ты оказываешься плешивый старичок.

Когда Вера Николаевна заболела, Лоло делался совсем несчастным и беспомощным. Помню, раз принес он из кухни кастрюльку с водой. Показывает:

— Посмотри, Вера Николаевна: что, эта вода уже кипела?

Я хорошо знала Лоло. Мы даже вместе написали оперетку "Екатерина Вторая", шедшую с большим успехом в Москве, сколько мне помнится, в 18-м году. Очень нравились публике "минаевские" рифмы Лоло, на которые он действительно был мастер. В оперетке этой одному из фаворитов Екатерины посвящаются куплеты:

Пусть носит он носки Петра,
Пусть носит парики Петра,
Но скипетра, но скипетра
Ему не увидать.

Между прочим, на премьере этой оперетки сидел с нами в нашей "авторской" ложе Влад. Ив. Немирович-Данченко и в антракте сказал:

— А знаете, мне сейчас пришло в голову, что следовало бы заняться опереткой. Ведь это особое художественно-театральное представление, оно имеет влияние на зрителя и как сатира.

Впоследствии он действительно заинтересовался этим родом сценического искусства.

Музыку к оперетке подбирал нам один известный в Москве музыкант — чех. Музыка была не оригинальна, заимствована из опереток Оффенбаха, главным образом из "Герцогини Герольштейнской". И нужно же было выбрать для этого дела чеха, который по свойству своего языка делал все наши ударения неправильными. Слова: "Милый рыцарь, ты будешь, ты будешь моим", чех подбирал: "Милый рыцарь, милый рыцарь, ты будешь моим".

И грустно недоумевал, что намеченная им музыка не подходит.

Чех старался, и прогнать его было жалко, но мы пропадали, я от смеха, Лоло — от отчаяния. В конце концов, дело наладилось. Чех согласился следовать нашим "неправильным" ударениям.

Как-то несколько лет тому назад попалась мне на глаза в советской газете заметка о том, что оперетку нашу, "несколько освежив", собираются снова поставить.

Между прочим, в этой оперетке роль Потемкина играл знаменитый Монахов. Немирович обратил тогда на него особое внимание, и впоследствии Монахов был приглашен в драматический театр. Актером он оказался великолепным.

Феноменальная близорукость Лоло ставила его иногда прямо в анекдотические положения. Он сам рассказывал:

— Прохожу я мимо соседнего подъезда, вижу — какой-то господин,

страшно знакомое лицо. У меня всегда истории, все на меня обижаются, что я никогда не узнаю. Но вот тут, слава Богу, узнал. Делаю приветливое лицо, хватаю его за руку, трясую ему руку: "Здравствуйте, здравствуйте. Ну, как вы?". А он как-то упирается: "Да я ведь, — говорит, — здешний швейцар". А я в ответ, совсем уж по-дурачки: "Все равно, мне все равно". Получилось, как будто мне лишь бы трясти руку, а кому — это уже безразлично.

На улице он всегда боялся стукнуться лбом о фонарный столб. Такой случай был с ним в Остенде. "У них море и небо одинаково блекло-голубые и таким же цветом выкрашены фонарные столбы Ясно, что близорукый человек не отличит, где небо, где фонарь, и треснется лбом". Он именно треснулся лбом, причем разбил пенсне. И сколько ни искали осколков — не нашли. Тогда Лоло, как человек болезненно-мнительный, решил, что кусочки стекла влезли ему в глаз. Пошел к окулисту. Тот выслушал, посмотрел глаза, покачал головой и велел Лоло попить валерьянки и полежать дня два в постели. Пенсне нашлось в зонтике Веры Николаевны. На другой день пошла гулять, стал накрапывать дождь, она раскрыла зонтик, и пенсне вывалилось ей на голову. Лоло это было очень неприятно. Он так ясно чувствовал, как стеклышки шевелятся у него внутри глаз у самого носа.

В Кисловодске мы часто встречались с Лоло в парке или у источника, причем я всегда торопилась, а он плелся еле-еле, напуганный на всю жизнь фонарным столбом.

Раз встречает нас Вера Николаевна и говорит:

— Опять вместе гуляете. Уж дети играть стали.

— Какие дети?

— Около нашего отеля ходит девочка, машет тросточкой, а за ней мальчик. Девочка говорит: "Мне некогда, мне некогда". А мальчик нарочно спотыкается и повторяет: "Я все-таки провожу, все-таки провожу". Я спрашиваю: "Что это вы делаете?". А они говорят: "Это мы играем в Тэффи и Лоло". Я их похвалила, что игра, конечно, очень веселая, только не надо спотыкаться, а надо прямо бац головой в стенку.

Как заботливая жена Вера Николаевна всегда интересовалась делами мужа и, как всякая жена, снабжала его практическими советами. Вернулся раз Лоло из дирекции театра, которому предлагал свою пьесу.

— Аванс взял?

— Они пьесу не приняли.

— А ты спросил аванс?

— Так я ж тебе говорю, что пьесу не приняли.

- Ну а ты аванс спросил?
- Да пойми, несчастная, что они пьесу не приняли.
- Ну, так я и знала, что он забудет спросить.

Манера работать у Лоло была странная. Писал он почему-то в проходной комнате на уголке стола, заваленного всякой дрянью. Тут были и старые газеты, и яблоки, и второй том "Анны Карениной", и корректурные листы "Рампы", и корсет Веры Николаевны. Чернильницы у него не было. Перо макал в полупустой пузырек с густым чернильным отстоем и с мухами. Близоруко поднимая каждый раз пузырек к носу, щурил на него левый глаз, правый совсем закрывал и долго целился попасть пером в узенькое горлышко.

Кругом ходили люди, громко разговаривали, тянули с этого самого стола какие-нибудь бумаги или газеты.

— Вера Николаевна, — говорила я. — Ведь ему мешают, нельзя же так. Она только рукой отмахивалась.

— Неужели вы думаете, что он что-нибудь слышит? Он, когда пишет, так все равно что в яме сидит.

Действительно: пришел дворник, принес какую-то квитанцию, вытянул из руки Лоло перо, расписался, вставил перо снова ему в руку. Видно было, что это дело обычное. И Лоло совершенно спокойно покрутил перо в пальцах, наладился и пошел поскрипывать по обрывку бумаги как ни в чем не бывало. По-видимому, он дворника даже не заметил.

В эмиграции Лоло продолжал свою газетную работу, писал остроумные фельетоны в стихах, сотрудничал в "Летучей мыши" Балиева, ездил с театром "Маски" (тоже балиевского жанра) по Европе. Вера Николаевна играла его скетчи и пела в хоре.

— Если бы мне в Москве предсказали, что я буду петь в театре бельгийской Королевской оперы, я бы тут же сошла с ума, — говорила она. — А вот пела, запевала — и хоть бы что.

Последние годы оккупации им жилось тяжело. Оба хворали и, конечно, нуждались. "Семьдесят лет — годы расточительные, — писал он. — Одно лекарства сколько стоят".

После смерти Веры Николаевны Лоло совсем притих, отошел от жизни. Мало говорил, мало читал. Близорукие глаза его совсем устали. Да и не хотел. В силу особенности своего таланта привык смотреть на жизнь и людей немножко иронически, отмечая все усмешкой, шуткой,

острым словцом. Погасла улыбка, отлетела шутка, отмечать главное устали глаза. Он их закрыл и повернулся к стене.

Тяжело так уходить, Лоло?

Что поделаешь? Надо дорого платить за высокое счастье земной нашей жизни, за долгую, до гроба верную любовь.

А меня, Лоло, уже не проводите. Как-нибудь одна дойду.

Публикация Виталия АМУРСКОГО

